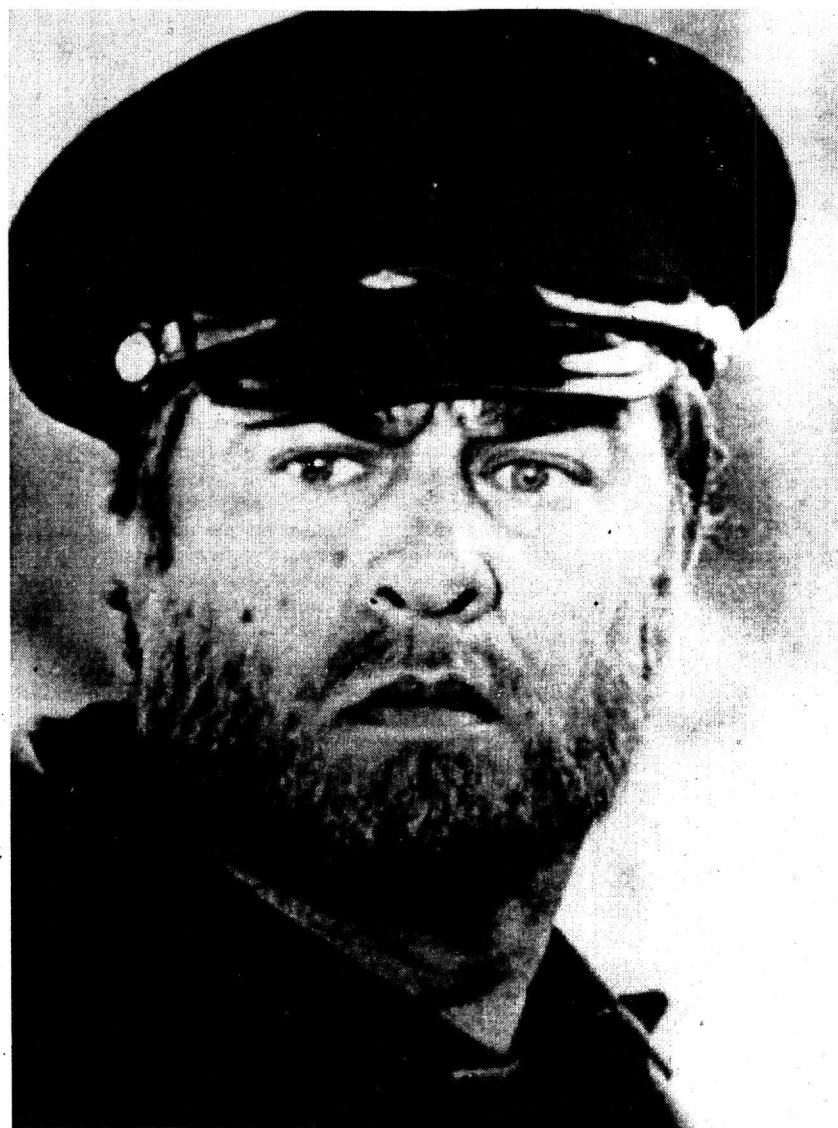

В этом году 2 августа магнитогорскому композитору-песеннику, артисту театра и кино, педагогу Виталию Леонидовичу ТИТОВУ исполняется 60 лет, из них 40 лет – творческой деятельности.

ГОРОД ЮНО или Когда воплош

Не один десяток лет знаком я с Виталием Титовым (дружба наша завязалась заочно, через переписку, в ту пору, когда он жил и творил в Троицке), а побывать в его «пенатах» не доводилось, хотя не раз зазывался «на огонек». И вот на днях я, наконец, переступил порог дома на Набережной и оказался в тесной однокомнатной квартирке с высоким потолком, но до предела зауженной, рассчитанной явно на дистрофиков, но никак на крупноразмерных жильцов, каким является наш герой.

Встретил меня сам маэстро в окружении свиты: черного обаятельного пуделя Чапа и красавицы кошки Зоси, тоже черной. Хозяин их полюбовно называет «мои черномырдины», разумеется, не за политические наклонности...

Небольшая комната, служащая ему одновременно и кабинетом, и гостиной, и спальней, была заставлена книжными шкафами, стеллажами, рабочим столом старинной работы, пианино, над которым крест-распятие, рядом скрипка, балалайка, казахская домбра, подаренные друзьями.

Кругом фотографии и картины... Вот на фото знакомое лицо. Это портрет знаменитого нашего земляка, заслуженного деятеля Александра Никитина с шутилой надписью – «Гению от гения». Фотографии замечательного уральского поэта Нины Кондратковской в юные и последние годы жизни: «Тебе, как сыну, с любовью». Дарственные фотографии и ноты от корифея советской эстрады Л. О. Утесова, нар. арт. СССР Н. Б. Богословского: «Дорогому Виталию Леонидовичу с благодарностью и

симпатией», нар. арт. Л. Г. Самарджиди: «Дорогому, талантливому другу Витальке с глубоким уважением». Особо выделяется портрет легендарного актера кино, Героя Соц. Труда, лауреата гос. премий, нар. арт. СССР П. П. Кадочникова: «Музыканту, артисту, человеку Виталию на память о совместной работе. С уважением...» Фотографии друзей – Льва Пригунова, Александра Пороховщикова, на съемках с А. Папановым, Е. Леоновым, Н. Рыбниковым, Л. Куравлевым и др. Снимки хозяина дома в кино-театральных работах. Живописные работы Л. Пригунова, Ф. Разина, троичских художников, картина нар. художника СССР С. Григорьева (дар Н. Кондратковской) и др. картины. Свои работы, среди них – автопортрет, доска с образом князя Игоря (масло, чеканка, выжигание, бижутерия)... «Не как у людей» выглядит и прихожая с кухней.

Из «завашиника» извлекаются на свет не менее уникальные вещи. Фотографии известных в прошлом веке певцов, выступавших на сцене Екатеринбургской оперы, ноты с автографами В. Соловьева-Седого, А. Пахмутовой, А. Хачатуряна, А. Новикова. Подлинные уникальные фотографии мастеров театра, музыки и кино, космонавтов (был он в Звездном) и многое другое. Увидев все это, подумал: интересная получилась бы «персональная» выставка Виталия Титова.

За чаем, удобно устроившись друг против друга, приступаю к журналистскому «допросу обвиняемого в содеянном».

– Виталий Леонидович, прожита, скажем прямо, большая часть жизни...

– Увы, значительная часть, и трудно в это верится. Ведь совсем недавно было тебе 25-30 лет, и вот – ты на пороге седьмого десятка. Трезво осознаешь, что в твоём распоряжении остается минимум 10, максимум 20 лет. Грустно становится. Но лучше об этом не думать – нести свой крест до конца пути, отпущенного Всевышним.

– А с чего, собственно, начался твой жизненный путь?

– Родившись в Магнитогорске в не-веселом 1937-м в семье рабочей ММК (отца – «врага народа» – уничтожили еще до моего появления на свет), я рос «ненормальным» ребенком. Нормальные пацаны-сверстники собирались стать летчиками, танкистами, шоферами... Меня же тянуло в волшебный мир искусства. Уже в 5 лет грешил мечтой стать артистом, музыкантом, клоуном, всю распева понаравившиеся песни, арии, романсы. А первой моей школой искусств стал, как ни странно, детский сад. Один из лучших военной поры, круглосуточный 30-й садик, что стоит до сих пор у подножия Карадырской горы на скрещении улиц Кирова и Чайковского.

– Слышал, что в этом здании размещен вытрезвитель...

– Я тоже слышал. Святое место стало дьявольским... Здесь я сделал первые шаги в мир прекрасного, здесь заложили мне качества, пригодившиеся в будущем. Как важно, когда тебя окружают добрые, заботливые и талантливые люди, а особенно с раннего возраста.

Закончилась война, и я пошел в школу. Но учеба в ней стала для меня тяжким испытанием. Особенно страдал на уроках математики, которые вела, помнится, Анна Васильевна – сухой и бессердечный человек. В ее лице я возненавидел математику и все точные науки. Но как, в отличие от нее, боготворил нашу классную, «русачку» Наталью Григорьевну, любившую нас, которая меня называла не иначе, как «Витюша»...

– Надо полагать, в школе тоже продолжалось приобщение к искусству?

– Как-то в нашу 8-ю мужскую школу на гортеатре приехал театр кукол. Бог мой, сколько было восторгов! Мы с моим дружкой Вовкой Куклиным (ныне – Владимир Ильич, научный работник, кстати, создатель СТЭМа в МГМИ) буквально заболели куклами. С трудом разо-

были куклы, смастерили ширму, декорации и «открыли» свой дворцовый кукольный театр. Сколько он доставил нам радостных минут и неприятностей от родителей...

Но меня также тянуло в мир музыки, и я уговорил матушку отдать меня в музыкальную школу. Там, проверив мои музыкальные данные, без колебаний зачислили в фортепианный класс. Увы, вскоре пришлось прервать образование ввиду высокой платы за обучение. Шло трудное послевоенное время, и матери было ой как тяжело поднимать нас двоих с сестрой. Но безумно полюбив фортепиано, я все время тянулся к инструменту (у соседей, в школе, где придется), постепенно осваивая его самостоятельно, и вскоре научился свободно подбирать несложные вещи.

– А что с театром?

– О, это целая история! Как-то мама повела нас с сестренкой в драмтеатр им. А. С. Пушкина на спектакль «Хрустальный башмачок» по сказке «Золушка». Бог мой, мог ли я тогда предположить, что когда-нибудь, спустя полвека, буду играть Короля в этом спектакле, в том же самом театре! Судьба. Я плохо поддаюсь воздействию гипноза, но тогда первая встреча с театром, «живыми» артистами околдовала меня, 12-летнего мальчишку.

Вспыхнувшая болезнь сценой оказалась долгой и неизлечимой. Театр стал для меня роднее дома. Здесь я стал своим человеком. Контролерам приглянулся странный мальчик, и вход в театр был для меня свободным. Сколько я пересмотрел спектаклей, и дневных, и вечерних! Но мне этого было мало, хотелось большего. Любознательного подростка тянуло в загадочный мир закулисы. Я, жертвуя уроками, стал проникать сюда в будние дни на репетиции. Вскоре меня знали все: от старшего актера до театральной крысы. Стали пускать за кулисы, в цеха. Не забыть закулисного запаха, от которого пьянеешь. С тех пор, как театр отказался от писаных декораций и лепной бутылки, ароматы эти исчезли. Театр настолько вошел в мою жизнь, что, как ты знаешь, я бросил школу...

– Виталий, а какая была раньше театральная публика, то бишь зрители?

– Раньше в театр шли, как в храм, как на праздник, одеваясь во все лучшее. К спектаклям приходили загодя. Тогда после 3-го звонка в зал не пускали, также, как был запрещен вход в театр с детьми на вечерние спектакли. Надо было видеть, как чинно и торжествен-

но прогуливалась публика по огромному вестибюлю, предвкушая чудо, встречу с любимыми артистами. Воздух театра наполнялся смешанным ароматом духов: от дешевых «Кармен», «Шипр» до престижных «Красная Москва», «Кремль», «Белая сирень». Повсюду стенды с фотографиями. Продавались фотопортреты артистов театра, буклеты...

Раздавался первый звонок, и публика неторопливо устремлялась в зрительный зал. Театр любил и боготворили. А какие были артисты! Такие, как, например, старые актеры С. Ф. Соловьев и Н. В. Гофман, блестяще сыгравшие «Свадьбу Кречинского». Прима-актриса М. П. Некрасова, потрясшая зрителей «Анной Карениной». А как забыть среди лучших спектаклей той поры «Угрошение строптивой», триумфально шедшим на сцене нашего театра с потрясающим дьяволом Петруччо в исполнении Л. Г. Самарджиди. Это созвездие прекрасных актеров – любимцев магнитогорцев: В. Г. Панаев, Т. Я. Гремина, И. Е. Данилин, Ф. А. Миронова, комик Ф. А. Изюмов, А. Н. Шипунова. С нежной любовью и теплотой вспоминаю Д. О. Козловского – талантливого режиссера и актера. Это с его легкой руки я сделал первые шаги на сцене, исполняя роли ровесников-подростков. Украсил труппу приход в театр молодых актеров, выпускников Ташкентского театрального института Б. Зайденберга, А. Скарги и особенно Л. Броневого, тогда еще кучерявого красавца. Память сохранила его великолепное исполнение сельского поэта-балагура Кандыбы в «Калиновой роще».

– Этот тот Бронево, что прославился в «Семнадцати мгновениях весны», исполнив мастерски роль Мюллера?

– Совершенно тот. Магнитогорская сцена стала для него стартовой площадкой перед большим полетом в известность.

– Виталий, может быть, для разрядки нашего диалога припомним несколько театральных курьезов?

– О... В моей практике их было предостаточно. Вспоминается один каверзный случай, произошедший со мной в самом начале актерской карьеры. Шел спектакль «Под золотым орлом», где я исполнял роль юного разведчика Тома. Сцена бара. За стойкой – «моя» тетя (Гофман Н. В.). В конце сцены, после долгой разлуки, я должен вбежать на сцену, бросаясь к тете с криком: «те-

тушка Бригитта!» Что я и делал на других спектаклях, но в этот раз... Короче, до моего выхода оставалось еще много времени, и я решил побродить за кулисами, забыв обо всем на свете. Опомился лишь тогда, когда оказался под сценой. Слышу вдруг сквозь щели поворотного сценического круга реплику, после которой я должен выбежать. Что делать? Обратная дорога на сцену, как бы я ни мчался, займет немало секунд. На сцене – замешательство. Затем после вынужденной паузы Нина Всеволодовна громко произносит: «Где ты, мой несносный мальчишка?» И тогда я, что есть мочи, заорал снизу: «Я здесь, тетушка Бригитта!» От неожиданности старая актриса выронила из рук графин и, мгновенно звав себя в руки, воскликнула: «О, господи! Том! Не успел явиться, как забрался в винный погребок!» Ой, что потом было!

Или вот еще один казус, случившийся на спектакле «В поисках радости», в котором я уже взрослым артистом играл роль Николая. После позднего свидания с любимой девушкой мой герой приходит домой, забравшись через окно в комнату, где они с младшим братом Олегом спят на раскладушках. Голосный идущий на кухню и, не найдя ничего, возвращаюсь. Спрашиваю братца: «Олег, а где колбаса?..» Артист А. Гладштейн, авантюрист по натуре, на этот вопрос всегда молча показывал на живот, мол, съел, на этот раз, стоя спиной к зрителю, приложил ладошку значительно ниже положенного живота... От неожиданности я обомлел и у меня вдруг начался приступ первого смеха, который бумерангом передался провокатору. Я тоже поворачиваюсь к зрителю спиной, не зная, как унять истерический смех. Тут вбегает артист Матюшкин, исполнявший роль деревенского парня, приехавшего к соседям: «Здорово, ребята!.. Вы чо?..» И через мгновение тоже начинает сотрясаться от смеха. Поворачивается и он спиной к залу. Стоим три дурака и трясемся от смеха, который не можем унять. С минуту помощник режиссера, цыкая из-за кулис, пытался вывести нас из этого состояния. Тщетно. Дали занавес при бурных аплодисментах. А автору этой хохмы выдали выговор...

– Представляю, каково тебе было в этой ситуации, не позавидуешь. Знаю, что в твоей биографии немалую роль сыграли В. Г. Панаев, Н. Г. Кондратковская...

– Вся большая часть прожитой жизни прошла по ухабистой дороге. Как поется в одной из моих песен: «Жизнь

и кружила, и гнула, и мяла...» К счастью, мне больше везло на хороших людей, чем на других. И неизвестно, что бы со мной было, не окажись возле меня такие святые люди, как каминские-голланды, панаевы, кондратовские, эйденовы, корнюшины, другие, поверившие в меня. Судьба свела меня с замечательными людьми, талантливыми актерами и педагогами В. Г. Панаевым и его первой женой Н. Д. Добрыниной, у которых в студии постигал нелегкое актерское ремесло и житейские мудрости. На протяжении многих лет они были мне вторыми родителями, дорогими друзьями и добрыми коллегами. Кстати, в августе Валерий Генрихович – юбиляр, 19 числа ему исполнилось бы 90 лет. Другому моему учителю и наставнику, нар. арт. Л. Г. Самарджиди, прослужившему в нашем театре 60 (!) лет, исполняется 80 лет, и тоже в августе. Трое «львов». К великому сожалению, одного среди нас уже нет, царствие ему небесное и вечный покой...

– А теперь вернемся к музыке...

– Магнитогорское музыкальное училище им. М. И. Глинки (теперь, благодаря достоянию преемнику нар. арт. С. Г. Эйденова, талантливому музыканту, педагогу, администратору, засл. деят. искусств А. Н. Якупову это – консерватория), сколько связано с ним! Еще мальчишкой бежал сюда на концерты, лектории. Как я завидовал тем счастливым, кто учился здесь. Часто, направляясь в школу, проходя мимо раскрытых окон училища, откуда вырывались наружу звуки волшебного рояля, тревожной трубы, стонущей скрипки, я невольно замедлял шаги, «балдея» от наслаждения.

– Но ведь ты все же в нем учился?

– Да, скажу я с гордостью. В 25 лет, оставив сцену, я и еще двое «стариков», не знающих нотной грамоты, поступаем на подготовительные курсы училища. Кое-как освоив азы грамоты, зачисляемся на дневное дирижерско-хоровое отделение вместе с 14-летними девочками и мальчиками (теперь далеко не юными, а некоторых уже нет в живых...). Учился я, наверное, хуже всех; не потому что тупой – просто было весьма тяжело постигать музыкальные предметы, не имея под собой фундамента, т. е. музыкальной подготовки (ДМШ). Было, конечно, стыдно и неловко за себя. Среди ведущих преподавателей были тебе ровесники и моложе. Некоторые из них относились ко мне с пониманием, сочувствовали и помога-